

М. В. Ходяков

«Мы многих сюда не пустим»: жилищная политика в Ленинграде на завершающем этапе Великой Отечественной войны

Прорыв блокады Ленинграда в январе 1943 г. положил начало постепенному восстановлению разрушенного городского хозяйства¹. Завершался процесс вытеснения из города недееспособного населения. В этих условиях возвращение в Ленинград эвакуированных граждан было серьезно осложнено. В частности, постановлением Ленинградского горкома партии (ЛГК ВКП(б)) от 18 октября 1943 г. всем руководителям организаций и директорам предприятий запрещалось принимать в штат рабочих, служащих и инженерно-технических работников (ИТР) за исключением номенклатурных работников горкома ВКП(б), горисполкома, горкома ВЛКСМ и райкомов ВКП(б). Начальник Управления Ленинградской городской милиции мог разрешать прописку граждан, прибывающих на постоянное местожительство в г. Ленинград, только при наличии наряда городского или районных бюро по учету и распределению рабочей силы².

Исследований, посвященных жизни Ленинграда на завершающем этапе войны и в первые послевоенные годы, опубликовано немало. Так, одна из трех книг фундаментального труда Г. Л. Соболева посвящена наименее изученным событиям блокады после ее прорыва в январе 1943 г.³ На протяжении ряда лет исследователи плодотворно занимались конкретными проблемами восстановления промышленности города и области⁴, освещали вопросы продовольственного состояния блокированного города⁵, морали⁶, практик выживания⁷, анализировали коммуникативное пространство блокадного Ленинграда⁸.

**Ходяков
Михаил Викторович**
д-р ист. наук, проф.,
Санкт-Петербургский
государственный
университет; вед.
науч. сотр., Санкт-
Петербургский
институт истории РАН
(Санкт-Петербург,
Россия)

Несколько обстоятельных работ посвящены восстановлению экономики СССР, социальной сферы и жилищного фонда городов⁹, вопросам функционирования городского хозяйства Ленинграда¹⁰, послевоенной преступности и методам борьбы с ней¹¹. Одновременно с этим значительное внимание уделялось характеристике структуры партийного аппарата Ленинграда в 1940-е — начале 1950-х гг.¹², борьбе за спасение жизни детей и подростков¹³. Не была обойдена историками и деятельность в годы блокады Первого секретаря Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданова¹⁴. Особое значение и актуальность имеет обращение авторов к политике памяти о событиях минувшей войны¹⁵.

Однако при всем многообразии существующих в рамках блокадной проблематики исследовательских направлений нужно признать, что для ленинградцев в конце войны одной из наиболее острых оставалась жилищная проблема. Частично вопросы коммунального быта предвоенного периода затронула в своих работах Н. Б. Лебина¹⁶. Но в полной мере жилищный вопрос в блокадном Ленинграде так и не был освещен. Исключением в данном отношении стала диссертация, а также ряд статей И. А. Карпенко, в которых автор оценила меры по социальной поддержке реэвакуантов со стороны руководства Ленинграда, подчеркнув наличие прямой связи между проблемами реэвакуации и необходимостью решения жилищных вопросов, осложненных запутанностью существовавшего законодательства¹⁷.

По сведениям начальника городского управления по учету и выдаче карточек на продовольственные и промышленные товары С. А. Трифонова, к маю 1943 г. численность населения Ленинграда, включая тех, кто находился на лесопи и торфозаготовках, составляла всего около 640 тыс. чел.¹⁸ Накануне войны, по данным Центрального статистического управления СССР, в городе проживало около 3,2 млн чел.¹⁹ Материалы годовых отчетов райжилуправлений свидетельствуют о том, что в довоенном 1940 г. на одного жителя Ленинграда приходилось 6,1 кв. м жилой площади. В 1943 г. эта цифра возросла до 22,1 кв. м. Затем она стремительно падала: 1944 г. — 14,7 кв. м, 1945 г. — 10 кв. м, 1946 г. — 7,8 кв. м²⁰.

Рассмотреть направленность жилищной политики, реализовывавшейся в городе после прорыва блокады в 1943 г., позволяет ряд материалов, отложившихся в фондах ЦГА СПб. Среди них — многочисленные обращения к руководителям города различного уровня с просьбами о выдаче разрешений на въезд в Ленинград. Значительный поток писем такого рода шел на имя председателя Ленгорисполкома (ЛГС) П. С. Попкова и начальника паспортно-регистрационного отдела Управления милиции Ленинграда Романова. Так, 15 ноября 1943 г. начальник Особой строительно-монтажной части № 40 (ОСМЧ) Н. Н. Шеховцов сообщал П. С. Попкову о прибытии из Архангельска 153 выпускников школы ФЗО. Милицейское начальство между тем отказало молодым рабочим в прописке на том основании, что до прибытия в Ленинград они в городе не проживали. Руководителю ОСМЧ пришлось информировать П. С. Попкова о том, что отказ в прописке «повлечет за собой срыв выполняемых... заданий» наркомата по строительству²¹.

В отдельных случаях ходатайства на имя П. С. Попкова удовлетворялись оперативно.

23 ноября 1943 г. председатель исполкома Ленгорсовета, рассмотрев обращение начальника 18 авиамастерских ВВС КБФ, разрешил прописать в городе 81 специалиста²².

После полного снятия блокады ситуация изменилась, требовались дополнительные силы для проведения строительных работ. Постановление Государственного комитета обороны (ГКО) от 29 марта 1944 г., направленное на восстановление промышленности и городского хозяйства Ленинграда, обязывало исполком ЛГС восстановить и ввести в эксплуатацию в 1944 г. 580 тыс. кв. м жилой площади, а по наркоматам и ведомствам введенная в строй жилплощадь должна была составить 370 тыс. кв. м²³.

На основании постановления ГКО наркоматы планировали везти в Ленинград 30 тыс. рабочих и ИТР, а с учетом реэвакуации ряда организаций и учебных заведений в город разрешалось въехать 90 тыс. чел.²⁴ В Ленинградскую область до конца 1944 г. планировалось реэвакуировать из восточных районов страны 76 тыс. чел., но в действительности сумели ввести только 56,5 тыс. чел.²⁵

Председатель Плановой комиссии исполкома ЛГС Н. А. Манаков в записке на имя секретаря ЛГК А. А. Кузнецова и председателя исполкома ЛГС П. С. Попкова от 7 марта 1944 г. отмечал, что предварительно установленный Плановой комиссией объем капитальных работ на II квартал 1944 г. может быть принят «лишь при условии увеличения численности рабочих в строительных организациях как минимум на 5 тыс. ...». В тот момент вопрос частично разрешился посредством перевода подразделений МПВО в строительные организации²⁶.

Количество возвращавшихся в город ленинградцев на протяжении 1944 г. увеличивалось гораздо более высокими темпами, нежели планировало партийное и советское руководство. Обращаясь с просьбами о реэвакуации, авторы писем стремились подчеркнуть значимость их деятельности для города. Так, в письме основателя Театра юных зрителей А. А. Брянцева от 17 марта 1944 г., адресованном А. А. Жданову, звучала просьба «помочь юным ленинградским гражданам» и вернуть им то, что им «принадлежит по праву», вернуть «ленинградским детям их театр — этот мощный фактор массового внешкольного воспитания, эффективнейшее орудие в борьбе с детской безнадзорностью»²⁷.

В воспоминаниях блокадников нашел отражение непростой процесс их возвращения в родной город. В частности, аспирантка Педиатрического института В. Г. Левина отмечала, что въехать в Ленинград можно было только по командировочному удостоверению или по официальному «вызову» на работу: «Этот термин долго еще ходил как самостоятельное понятие. Но вскоре после того, как нахлынула мощная волна самых разнообразных, нестандартно оформленных вызовов, ленинградские власти стандартизировали и ужесточили эти правила оформления вызовов, и в результате многим пришлось вернуться в места эвакуации»²⁸.

Несмотря на введенные ограничения, остановить поток возвращавшихся в Ленинград было практически невозможно. Начальник Управления НКВД по Ленинградской области, комиссар госбезопасности И. С. Шикторов специальным

сообщением в начале мая 1944 г. информировал председателя Ленгорисполкома П. С. Попкова о гражданах, «пытающихся незаконно проникнуть в г. Ленинград». По приводимым им сведениям, за весь первый квартал 1944 г. органами милиции было задержано 12 728 чел. с неправильно оформленными документами или вовсе не имеющих разрешений на въезд в город. В апреле их количество увеличилось до 13 175 чел., из которых 6115 чел. были возвращены в тыловые районы²⁹. При этом Шикторов отмечал, что часть вины за сложившуюся ситуацию лежала на органах НКВД и милиции других краев и областей, которые выдавали пропуска на въезд в Ленинград в обход разрешений ленинградских городского и областного исполкомов. Попытки проникнуть в Ленинград (на крышах поездов, под лавками вагонов, в корзинах, багажных отделениях и даже «в топках вагонов») предпринимались населением, пытавшимся попасть в город и ввести туда ранее эвакуированных детей. Для борьбы с нарушителями установленного порядка на станциях Бологое, Окуловка, Малая Вишера, Любань, Волховстрой, Шлиссельбург и Войбокало были образованы специальные опергруппы и заслоны из сотрудников железнодорожной милиции³⁰.

Таким образом, партийное и советское руководство города пыталось регулировать процесс реэвакуации. Количество реэвакуированных находилось в тесной связи с возможностью обеспечить людей жильем. Представление П. С. Попкова (озвученное им на заседании исполкома ЛГС еще 18 июня 1942 г.) о том, что жилой «площади будет много», в итоге не оправдалось. Ошибочной оказалась и его идея о реэвакуации: «Ведь многие рабочие обратно в Ленинград не вернуться, инженеры тоже — рабочие и ИТР авиационных заводов, рабочие и ИТР Кировского завода, рабочие и ИТР Ижорского завода, завода “Красной зари”, заводов и фабрик текстильной промышленности. Они уехали и сели на свою базу, обратно они не вернуться...»³¹ Желание Попкова «не пускать в Ленинград... известную группу людей», установив «очень строгий» паспортный режим³², было продиктовано сложной обстановкой на фронтах в 1942 г. Мысль о том, что после войны «мы многих сюда не пустим», некоторое время доминировала в сознании руководителей города.

Прорыв, а затем и снятие блокады внесли коррективы в планы ленинградского руководства. 8 июня 1944 г. исполком Ленгорсовета принял решение, в котором отмечалось, что в связи «со значительными разрушениями жилищного фонда города Ленинграда за время войны и в целях обеспечения жилой площадью граждан, возвращающихся в Ленинград», на период военного времени в муниципальных и ведомственных домах устанавливалась жилищно-санитарная норма, составлявшая 6 кв. м на человека³³, что соответствовало довоенным нормам.

Решение исполкома ЛГС было принято в соответствии с постановлением СНК СССР от 22 апреля и СНК РСФСР от 30 апреля 1944 г. При этом в специальном перечне указывались категории граждан, за которыми жилплощадь сохранялась «независимо от ее размеров». К ним прежде всего относились представители партийного и советского руководства (секретари обкома и горкома ВКП(б), их заместители, заведующие отделами, председатели исполкомов, их заместители, секретари исполкомов городского и областного Советов). Не ли-

митировалась жилплощадь для военачальников (маршалов, генералов Красной армии, адмиралов ВМФ), известных ученых (академиков и членов-корреспондентов АН СССР, докторов наук, профессоров), лауреатов Сталинской премии, народных и заслуженных артистов, Героев Советского Союза и Социалистического Труда, заслуженных врачей и заслуженных учителей, директоров крупных предприятий, председателей ленинградских отделений Союзов писателей, композиторов, архитекторов, художников и некоторых других категорий ответственных руководителей³⁴. Принятым решением оговаривалось, что при возвращении они должны были оплатить на общих основаниях образовавшуюся задолженность по квартплате. Ленжилуправление, которое возглавлял Б. М. Мотылев, было обязано проинформировать их о необходимости погашения долга. В случае непогашения задолженности в течение шести месяцев жилплощадь подлежала изъятию в судебном порядке³⁵. Вероятно, по этой причине доход от квартплаты в 1944 г. значительно вырос, поскольку в 1943 г. бо льшая часть жилплощади «вовсе не оплачивалась эвакуированным населением». По данным годовых отчетов домоуправлений, в 1943 г. поступления по квартплате составляли 68 млн руб., а в 1944 г. — 80,6 млн руб.³⁶

В середине 1944 г. правом на дополнительную жилую площадь в соответствии с п. «б» ст. 1 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 28 февраля 1930 г. пользовались около 40 категорий руководителей партийных, советских, комсомольских, профсоюзных, хозяйственных организаций, а также органов суда, прокуратуры, главврачи больниц и поликлиник³⁷.

Ранее выданные некоторым категориям лиц карточки на право пользования дополнительной жилой площадью с 15 августа 1944 г. теряли свою силу. Дело в том, что накануне войны на руках у населения Ленинграда находилось до 60 тыс. карточек-разрешений на право пользования «дополнительными» квадратными метрами. Такое количество разрешений, по мнению начальника жилищного управления исполкома ЛГС М. А. Ханутина, было «чрезвычайно велико». Причем перерегистрация разрешений не производилась с 1933 г. Ее планировалось провести в 1941 г. с тем, чтобы выявить «резервную жилую площадь, используемую без особой надобности владельцами карточек из-за неправильно предоставленной им льготной оплаты и в значительной мере увеличить поступления от квартирной платы»³⁸. Был разработан проект инструкции по перерегистрации карточек на дополнительную жилплощадь. Образованным райжилотделам предстояло провести работу по выдаче удостоверений на бронирование площади и на дополнительную площадь. На практике в годы войны производилось бронирование жилплощади для ряда категорий населения.

Решением ЛГС от 8 июня 1944 г. исполкомам местных Советов вменялось в обязанность в двухмесячный срок с помощью райжилотделов и управляющих домами выявить излишки жилплощади, подлежащие изъятию. Серьезность намерений городского руководства должен был подтвердить пункт решения исполкома ЛГС, в соответствии с которым управляющие домами, скрывающие излишки жилой площади, могли быть привлечены к уголовной ответственности. Излишки поступали в распоряжение исполкомов районных Советов и заселялись по их усмотрению³⁹.

Заселение изъятых отдельных изолированных комнат предполагалось производить по истечении пяти дней со дня вручения съемщику письменного предупреждения (по установленной Ленгоржилотделом форме) об освобождении изымаемой площади. С целью избежать «самоуплотнения» съемщикам запрещалось заселение отдельных комнат с целью «устранения излишков жилой площади»⁴⁰.

Решением от 8 июня 1944 г. устанавливался новый порядок обеспечения жилплощадью граждан, которые были эвакуированы из Ленинграда индивидуально или с учреждениями и возвращались в город «в законном порядке». Они могли вернуться в свои квартиры, которые занимали до эвакуации, если их жилплощадь была свободна, но с учетом вновь установленной жилищно-санитарной нормы. Если жилплощадь эвакуированных была уже занята жителями Петродворца, Пушкина, Кронштадта, Колпино или ленинградцами, переселенными из разрушенных домов или «разобранных жилых строений», местные органы власти должны были немедленно предоставить им другую жилплощадь. За военнослужащими и членами их семей жилплощадь должна была сохраняться в соответствии с постановлением СНК СССР № 1931 от 5 августа 1941 г.⁴¹

Впрочем, это постановление выполнялось далеко не всегда. Так, Общий отдел исполкома Петроградского районного Совета 25 июля 1944 г. сообщал заведующей Общим отделом исполкома ЛГС о решении вопроса, связанного с сохранением жилплощади и имущества профессора О. Н. Подвысоцкой. Ленгорисполком был проинформирован о том, что жилплощадь занята, но будет освобождена. Учитывая просьбу мужа Подвысоцкой, профессора Каплана, предлагалось «не выселять временно проживающих на их площади жильцов» до возвращения семьи профессоров в Ленинград⁴².

Решение исполкома ЛГС от 8 июня 1944 г. запрещало выселять граждан из ведомственных домов (кроме домов, принадлежавших НКО, НКВД, НКГБ, НКВМФ), если они были туда переселены до 1 января 1944 г. из разрушенных домов или разобранных деревянных строений. Пункт 13 решения предусматривал выдачу разрешений на въезд в Ленинград предприятиям и учреждениям «лишь по представлению в Исполком Ленгорсовета заключения Ленгоржилотдела и соответствующего исполкома райсовета о наличии подготовленной предприятием (учреждением) жилой площади для размещения рабочих и служащих». Обеспечение жильем рабочих и служащих, прибывавших в Ленинград по вербовке или по командировкам на постоянную работу, а также тех, кто был эвакуирован с предприятиями на Восток и лишился жилья, возлагалась на руководителей предприятий и учреждений, вызвавших рабочих⁴³.

Некоторое время в Ленинграде существовала практика сдачи жилой площади частным гражданам с ее одновременным восстановлением. Так, директор Радиевого института АН СССР академик В. Г. Хлопин в письме от 23 марта 1944 г. на имя П. С. Попкова информировал его о реэвакуации из Казани в Ленинград сотрудников института с семьями в количестве 150 чел. Штатная численность института составляла 74 чел., из них 20 чел. не имели жилплощади. Директор института сообщал, что для обеспечения сотрудников жильем «принимаются меры» путем заключения договоров на восстановление

квартир. Но при этом он просил выделить в апреле 1944 г. для нужд Института «восстановительную бригаду» в количестве 10 чел.⁴⁴ 9 августа 1944 г. председатель исполкома Василеостровского райсовета подписал распоряжение о предоставлении жилой площади гражданам «с производством ремонта, согласно списков, утвержденных Райжилуправлением»⁴⁵.

Подобного рода практика способствовала росту взяточничества. К решению жилищных проблем ленинградцев активно подключились управхозы⁴⁶, которые в рамках своих прямых обязанностей занимались оперативным управлением домами. За соответствующую плату хорошая квартира или комната признавалась аварийной. А после получения соответствующей справки и небольшого ремонта жилплощадь оказывалась в руках нового владельца. Люди, проживавшее здесь ранее, теряли право на данную комнату или квартиру⁴⁷. Лишь незадолго до окончания войны эта практика была прекращена. Решением исполкома ЛГС от 19 марта 1945 г. запрещалось заключение договоров с частными лицами на передачу им жилой площади с одновременным восстановлением. Договоры, по которым работы еще не были начаты, аннулировались⁴⁸.

3 июля 1944 г. на имя А. А. Жданова поступила докладная записка заведующего Городским бюро по учету и распределению рабочей силы А. П. Смирнова. В ней были приведены данные, характеризующие процесс реэвакуации, который сопровождался возвращением в Ленинград ряда организаций и учебных заведений. Помимо возвращавшихся «в счет постановления ГКО» от 29 марта 1944 г. 60 тыс. чел. (учитывая членов семей), ожидалось прибытие 162,5 тыс. чел. по постановлениям СНК СССР и решениям наркоматов, а также 46 тыс. чел. по индивидуальным заявлениям. Всего планировалось прибытие в течение нескольких месяцев 268,5 тыс. чел. В действительности за апрель — июнь 1944 г. в город въехали 109 661 чел. Помимо этого, на 1 июля 1944 г. еще 128 тыс. заявлений о реэвакуации граждан находились на рассмотрении. В сложившихся обстоятельствах А. П. Смирнов предлагал отменить постановление бюро ЛГК от 18 октября 1943 г. и всю ответственность за обеспечение рабочей силой предприятий и организаций возложить на их руководителей⁴⁹. На это было направлено и решение исполкома ЛГС от 8 июня 1944 г.

«Линия горкома» в вопросах дальнейшей реэвакуации была выработана в июле 1944 г. Так, 6 июля бюро ЛГК поручило А. А. Кузнецову подготовить проекты решений, которые были утверждены 21 июля. Они касались усиления контроля за исполнением правительственных решений. В них указывалось на необходимость «строго следить за тем, чтобы в Ленинград не ввозились излишние непроизводственные учреждения и организации и в связи с этим ненужное служилое и непроизводственное население». Выполняя решение правительства о завозе в Ленинград квалифицированной рабочей силы, бюро ЛГК предлагало исходить из «решительного зажима» в вопросах выдачи разрешений на въезд в город рабочей силы «самотеком»⁵⁰.

Решение квартирного вопроса, как отмечалось, нередко было связано с финансовой состоятельностью реэвакуируемых. В «Осадной записи» А. Н. Болдырева от 16 июля 1944 г. описана ситуация с одним из его знакомых: «Видел сегодня на набережной одного науча из возвращенцев, он тащил пу-

стую тележку. Возвращается из отвоза шкафа красного дерева в комиссионку, так как должен выплатить 10 000 за восстановленную квартиру. Пока живет в Университете, но ректор заявил, что ежели не выедут к 1-му, то лишит карточек. Хороший ректор. А шкаф пойдет за 1,5 тыс. рублей, хотя неделю тому назад предлагали 3, но за это время: 1) вышел новый квартирный закон, 2) открылся новый коммерческий магазин. Везучий науч.!»⁵¹

Растущие темпы реэвакуации не соответствовали планам восстановления жилого фонда и коммунально-бытовых предприятий Ленинграда. Результатом стало принятие 3 сентября 1944 г. Постановления ГКО «Об ограничении в 1944 г. реэвакуации в г. Ленинград учреждений, институтов и рабочей силы». Возвращение в город рабочих и служащих частным порядком пресекалось. Отменялись ранее принятые решения о реэвакуации в Ленинград рабочих, служащих, студентов и членов их семей. Постановления ГКО и СНК СССР по завозу в Ленинград рабочих и служащих объявлялись выполненными. Ленгорисполкому запрещалось выдавать пропуска (вызовы) сверх установленной на 1 января 1945 г. численности населения города в 950 тыс. человек. Госплан и партийное руководство Ленинграда должны были представить к 1 декабря 1944 г. на утверждение ГКО план восстановления ленинградских предприятий в 1945 г. При этом в 1944 г. запрещался набор иногородних студентов в вузы и техникумы Ленинграда⁵².

Однако и принятие постановления ГКО не смогло остановить поток реэвакуантов. В «Осадной записи» А. Н. Болдырева от 29 сентября 1944 г. зафиксировано: «Официантка привезла из освобожденной могилевщины двоих детей — сейчас, в разгар запрета всяческого возвращения! “Как? — спрашиваю удивленно, — по пропуску?” — “Нет, за 5 000 руб.” — “Кому?!!!” — “Проводнику! В служебном отделении. Раза три пришлось вылезать из поезда, но в целом благополучно”»⁵³.

Ситуация с жилым фондом в Ленинграде продолжала оставаться тяжелой. Проведенная в соответствии с отчетами домоуправлений за 1944 г. регистрация обобщественного жилого фонда зафиксировала наличие в 1945 г. в городе 11 955 тыс. кв. м жилой площади, выявив одновременно ее недоучет. По уточненным данным Ленжилуправления (ЛЖУ) при составлении годового отчета за 1945 г. была определена новая цифра: жилая площадь в Ленинграде на 1 января 1946 г. составляла 12 377 тыс. кв. м⁵⁴. Такого рода колебания в данных объяснялись тем, что в соответствии с установками ЛЖУ жилая площадь подлежала снятию с баланса лишь при ее полном разрушении. Если разрушения были частичными, она с баланса не снималась и «продолжала числиться в наличии»⁵⁵.

А. Н. Болдырев в своем «Блокадном дневнике» 29 сентября 1944 г. записал: «Мы жаловались прокурору Октябрьского района на неправильное заселение комнаты нашего сотрудника, фамилия которого Бескровный. В прокурорском ответе, подтверждающем его права на эту комнату, эта фамилия перевернута так: “Бесправный” (!) Интересно, что я всегда производил эту фамилию от “кровь”, и только сейчас мне стало ясно, что настоящая этимология “кров” (то есть — бездомный)...»⁵⁶

Фактическое обеспечение жильем населения было значительно ниже официальных цифр, поскольку большие площади требовали восстановления и капитального ремонта. Так, в отчете за 1946 г. о выполнении плана восстановления и строительства жилого фонда предприятиями районов Ленинграда констатировалась безрадостная картина: «План IV квартала 1946 г. по жилищному строительству сорван... до сих пор некоторые объекты не обеспечены технической документацией, рабочей силой, материалами, не подготовлены к работе в зимних условиях... Управление строительства совершенно неудовлетворительно ведет восстановление жилфонда»⁵⁷.

Основные принципы восстановления разрушенных жилых зданий Ленинграда были изложены еще 15 апреля 1944 г. в докладной записке главного архитектора города Н. В. Баранова, направленной А. А. Жданову, А. А. Кузнецову, Я. Ф. Капустину и П. С. Попкову. Баранов предлагал в 1500 домах, требующих капитального восстановления, «создавать малометражные современные квартиры или общежития взамен ранее существовавших многометражных». Очередность восстановления виделась ему следующим образом: «...логично в первую очередь производить капитальное восстановление зданий на главных магистралях, площадях и набережных Ленинграда, ограничив первоочередное восстановление тяжело поврежденных, отдельно взятых дворовых корпусов или домов на второстепенных улицах»⁵⁸. По предложениям райисполкомов для восстановления предприятиям города к тому моменту было передано 52 дома, из которых только 4 располагались непосредственно на магистралях. Остальные же (во многих случаях серьезно разрушенные) являлись дворовыми корпусами или находились на второстепенных улицах⁵⁹. Баранов считал нецелесообразным восстанавливать здания, сохранившиеся менее чем на 30 %, требующие значительных вложений и расположенные на трассах новых магистралей, предусмотренных генеральным планом развития города.

Одним из рычагов воздействия на застройщиков стало принятие решений об изъятии жилого фонда из их пользования. В частности, на заседании исполкома ЛГС 30 сентября 1944 г. рассматривался вопрос «Об изъятии жилых домов от организаций, не приступивших к работам по их восстановлению». Материалы к заседаниям подобного рода готовил отдел застройки Управления по делам архитектуры⁶⁰. Решение исполкома ЛГС от 27 апреля 1944 г. «О порядке и условиях передачи предприятиям, учреждениям и организациям гор. Ленинграда поврежденных жилых зданий и других помещений для восстановления» предусматривало ремонт части разрушенного и поврежденного жилого фонда силами трудовых коллективов. Новой редакцией решения исполкома ЛГС, принятой 19 марта 1945 г., 10 % восстанавливаемой жилой площади передавалась в распоряжение исполкомов райсоветов⁶¹.

Во второй половине 1945 г. началось смягчение режима, связанного с въездом населения в Ленинград. 16 июня 1945 г. начальник пограничных войск Ленинградского округа генерал-лейтенант Г. А. Степанов направил секретарю Ленгорисполкома А. А. Бубнову письмо о том, что приказ войскам охраны войскового тыла Ленфронта № 90 от 11 ноября 1941 г. о въезде и выезде из Ленинграда, по сути, утратил свою силу⁶².

26 сентября 1945 г. начальник управления милиции Ленинграда комиссар госбезопасности И. И. Иванов направил секретарю ЛГК А. А. Кузнецову письмо с краткой характеристикой роста населения Ленинграда и проблемами прописки. Говоря о временной инструкции о порядке прописки граждан, прибывающих в Ленинград, принятой исполкомом ЛГС 31 марта 1945 г.⁶³, он указывал на то, что лица, прибывающие в город «по вербовке» и не проживавшие в нем ранее, а также ленинградцы, возвращавшиеся в город «в одиночном порядке» и имевшие жилплощадь, прописывались в Ленинграде временно на шесть месяцев. С апреля по 20 сентября 1945 г. в городе оказались прописаны таким образом 73 тыс. чел. И им необходимо было оформлять постоянную прописку. По оценке управления ленинградской милиции, население города в марте 1945 г. составляло 993 332 чел., в июле — 1 106 254 чел., в сентябре — 1 314 999 чел.⁶⁴ Возрастало и количество тех, кого необходимо было прописывать в городе на «постоянное» проживание. И. И. Иванов подчеркивал, что к осени 1945 г. не было «никаких существенных оснований для отклонения от порядка прописки, установленного “Положением о паспортах”, принятого в соответствии с постановлением СНК СССР от 10 сентября 1940 г.». Положение было временно изменено инструкцией горисполкома в связи с особыми обстоятельствами. И. И. Иванов предлагал инструкцию исполкома ЛГС от 31 марта 1945 г. отменить и впредь в вопросах прописки руководствоваться «Положением о паспортах»⁶⁵.

11 апреля 1946 г. исполком Ленгорсовета принял решение под грифом «секретно» «О порядке прописки прибывающих граждан в город Ленинград». Начальнику управления милиции И. И. Иванову предлагалось прописку прибывающих в Ленинград «производить впредь в полном соответствии с Положением о паспортах», утвержденным постановлением СНК СССР от 10 сентября 1940 г. и инструкцией НКВД по его применению от 27 декабря 1940 г. Одновременно с этим считались утратившими силу решение исполкома ЛГС от 7 декабря 1944 г. и временная инструкция от 31 марта 1945 г. «О порядке прописки прибывающих граждан в город Ленинград»⁶⁶.

К лету 1946 г. въезд в Ленинград был открыт. Решение исполкома Ленгорсовета от 12 августа 1946 г. предусматривало «в связи с разрешением свободного въезда в гор. Ленинград возобновить с 1 августа 1946 г. взимание квартирной платы за жилую площадь, сохраняемую за эвакуированными гражданами, освобожденную от оплаты...»⁶⁷.

Ограничительная практика предоставления жилья в Ленинграде в годы войны и в первое время после ее завершения была продиктована чрезвычайными обстоятельствами, в которых оказался город и его жители. Эвакуация значительной части населения, высокая смертность ленинградцев в 1941–1942 гг. лишь на время ослабили квартирный вопрос. С возвращением к мирной жизни городу вновь потребовались не только рабочие, но и специалисты, занятые в других сферах. Жилищная политика городского руководства, письма граждан во власть свидетельствовали об установлении контроля за составом возвращавшегося населения с точки зрения его востребованности как для решения задач промышленности и строительства, так и для повседневных нужд города. Процесс реэвакуации контролировался партийным

и советским руководством Ленинграда и проходил в рамках принимавшихся правительственных решений.

¹ Автор выражает свою признательность непревзойденному знатоку архивных фондов Н. Ю. Черепениной за помощь в выявлении ряда документов по вопросам жилищной политики в блокадном Ленинграде.

² Блокада в решениях руководящих партийных органов Ленинграда. 1941–1944 гг. Сб. документов. Постановления бюро ленинградских горкома и обкома ВКП(б), секретариатов горкома и обкома ВКП(б), стенограммы заседаний. Часть III. Январь 1943 г. — январь 1944 г.: в 2 кн. Кн. 1 / отв. сост. К. А. Болдовский. СПб., 2022. С. 807.

³ *Соболев Г. Л.* Ленинград в борьбе за выживание в блокаде. Книга третья: январь 1943 — январь 1944. СПб., 2017.

⁴ *Кутузов В. А.* Возрождение земли ленинградской. Коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Л., 1985; *Ваксер А. З.* Ленинград послевоенный. 1945–1982 годы. СПб., 2005; *Ваксер А. З.* Возрождение ленинградской индустрии. 1945 — начало 1950-х гг. СПб., 2015; и др.

⁵ *Ломогаин Н. А.* В тисках голода. Блокада Ленинграда в документах германских спецслужб, НКВД и письмах ленинградцев. 2-е изд. СПб., 2014.

⁶ *Яров С. В.* Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М., 2012.

⁷ *Hass J. K.* Wartime Suffering and Survival: The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944. Oxford, 2021.

⁸ *Пянкевич В. Л.* «Люди жили слухами»: неформальное коммуникативное пространство блокадного Ленинграда. СПб., 2014.

⁹ *Пянкевич В. Л.* Восстановление экономики СССР (середина 1941 — середина 1950-х гг.). Историография. СПб., 2001. С. 325–336.

¹⁰ *Зотова А. В.* Экономика блокады. СПб., 2016.

¹¹ *Говоров И. В.* Преступность и борьба с ней в послевоенном Ленинграде (1945–1955): опыт исторического анализа. СПб., 2004.

¹² *Болдовский К. А.* Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб., 2018.

¹³ *Газиева Л. Л.* Борьба за спасение детей и подростков в блокированном Ленинграде. 1941–1944. СПб., 2014.

¹⁴ *Кутузов В. А., Демидов В. И., Кутузов А. В.* Андрей Жданов. Человек и политик. СПб., 2022.

¹⁵ *Безугольный А. Ю., Бородкин Л. И., Горюшина Е. М., Дмитриева Н. В., Захарина Е. А., Корсак А. И., Кохан А. А., Кричко Е. Ф., Леонтьева Н. И., Очиров У. Б.* Народы СССР на фронтах Великой Отечественной войны: статистическое и военно-антропологическое исследование / отв. ред. Е. Ф. Кричко. Ростов-на-Дону, 2022. 428 с.; *Дмитриева Н. В.* Память о событиях и участниках Великой Отечественной войны в современной России: правовые основы государственной политики и монументальные практики // Научная мысль Кавказа. 2022. № 3 (111). С. 23–30. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2022-111-23-30>; и др.

¹⁶ *Лебина Н. Б.* Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М., 2015. С. 67–118.

¹⁷ *Карпенко И. А.* Социально-бытовые аспекты процесса реэвакуации гражданского населения в Ленинград. 1943–1946 // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2006. № 4. С. 177–181; *Карпенко И. А.* Восстановление Ленинграда в 1943–1948 гг.: социально-демографический и бытовой аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 23 с.; *Карпенко И. А.* Социальная поддержка реэвакуантов (ленинградский опыт 1940-х годов) // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985 / под ред. Е. Ярской-Смирновой и П. Романова. М., 2008. С. 83–95.

¹⁸ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 7384. Оп. 4. Д. 88. Л. 366.

- 19 Российский государственный архив экономики. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1010. Л. 111.
- 20 Там же. Ф. 4965. Оп. 1. Д. 5276. Л. 11; Д. 5280. Л. 2; Д. 5289. Л. 2. — Жилищная политика в Ленинграде в 1941–1942 гг. была предметом рассмотрения в ряде опубликованных статей: *Гаврилова О. А., Сунь Ичжи*. Реновация в условиях блокады: снос районов деревянной застройки в Ленинграде. 1941–1942 гг. // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 4. С. 853–869. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.403>; *Ходяков М. В.* Беженцы в Ленинграде и жилищная политика городских властей на начальном этапе войны и блокады // *Quaestio Rossica*. 2022. Т. 10, № 2. С. 455–468. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.681>; *Ходяков М. В.* Эвакуация населения и жилищный фонд Ленинграда в 1942 г. // Новое прошлое / *The New Past*. 2022. № 2. С. 167–179. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-2-167-179>; и др.
- 21 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 909. Л. 12.
- 22 Там же. Л. 17.
- 23 Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. за 50 лет: в 5 т. Т. 3: 1941–1952 / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. М., 1968. С. 195–198.
- 24 От войны к миру: Ленинград. 1944–1945. Сб. документов / отв. ред. Н. Б. Лебедева; отв. сост. Н. Ю. Черепенина. СПб., 2013. С. 64.
- 25 *Кутузов В. А.* Возрождение земли Ленинградской. Коммунисты в авангарде восстановления народного хозяйства Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. С. 82–83.
- 26 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1108. Л. 16–17.
- 27 Там же. Д. 1139. Л. 30.
- 28 *Левина В. Г.* Я помню... Заметки ленинградки. СПб., 2007. С. 91.
- 29 От войны к миру: Ленинград. 1944–1945. С. 56.
- 30 Там же. С. 56–57. О перевозимых в корзинах детях писали и мемуаристы: *Левина В. Г.* Я помню... С. 92.
- 31 Стенограммы заседаний исполкома Ленинградского городского Совет. Записи обсуждений, замечаний к проектам, решения. Ноябрь 1941 — декабрь 1942 гг. Сб. документов. СПб., 2017. С. 206.
- 32 Там же. С. 206.
- 33 Бюллетень исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1944. № 12 (568). 27 июня. С. 3.
- 34 Там же. С. 5.
- 35 Там же. С. 4.
- 36 ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 1. Д. 5276. Л. 11 об.
- 37 Бюллетень исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1944. № 12 (568). 27 июня. С. 6.
- 38 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 238. Л. 184.
- 39 Бюллетень исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1944. № 12 (568). 27 июня. С. 4.
- 40 Там же. С. 4.
- 41 Там же.
- 42 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 998. Л. 67.
- 43 Бюллетень исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1944. № 12 (568). 27 июня. С. 5.
- 44 ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 17. Д. 1136. Л. 167–167 об.
- 45 Там же. Ф. 4965. Оп. 1. Д. 5280. Л. 2.
- 46 *Гаврилова О. А., Ходяков М. В.* Ленинградский управхоз в годы блокады: зона ответственности и образ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 1. С. 85–93. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.8>
- 47 *Карпенко И. А.* Социально-бытовые аспекты процесса реэвакуации. С. 179.
- 48 Бюллетень исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1945. № 5-6. 31 марта. С. 12.
- 49 От войны к миру. С. 64.

- ⁵⁰ Там же. С. 321.
- ⁵¹ *Болдырев А. Н.* Осадная Запись. СПб., 1998. С. 327.
- ⁵² Постановление ГКО СССР № 6496 «Об ограничении в 1944 г. Реевакуации в г. Ленинград учреждений, институтов, предприятий и рабочей силы». 3 сентября 1944 г. // В штабах Победы. 1941–1945: Док. в 5 кн. Кн. 4. 1944. «Освободить народы Европы». М., 2020. С. 376.
- ⁵³ *Болдырев А. Н.* Осадная Запись (Блокадный дневник). С. 337.
- ⁵⁴ ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 1. Д. 5280. Л. 2.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ *Болдырев А. Н.* Осадная Запись. С. 338–339.
- ⁵⁷ ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 29. Д. 74. Л. 9.
- ⁵⁸ Там же. Оп. 17. Д. 1108. Л. 12 об.
- ⁵⁹ Там же. Л. 13.
- ⁶⁰ Там же. Оп. 18. Д. 1516. Л. 72.
- ⁶¹ Бюллетень исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1945. № 5-6. 31 марта. С. 12.
- ⁶² ЦГА СПб. Ф. 7384. Оп. 36. Д. 148. Л. 107.
- ⁶³ Там же. Д. 175. Ч. 1. Л. 220.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же. Л. 219.
- ⁶⁶ Там же. Л. 218.
- ⁶⁷ Бюллетень исполнительного комитета Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся. 1946. № 17 (621). 15 сентября. С. 6.

Статья поступила в редакцию 10 апреля 2023 г.
Рекомендована к печати 31 июля 2023 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Ходяков М. В. «Мы многих сюда не пустим»: жилищная политика в Ленинграде на завершающем этапе Великой Отечественной войны // *Новейшая история России*. 2023. Т. 13, № 4. С. 000–000. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.412>

Аннотация: В статье на основе широкого круга источников анализируется жилищная политика, реализовавшаяся в Ленинграде после прорыва блокады в январе 1943 г. Она осуществлялась на фоне завершения процесса эвакуации населения из города. Рассмотреть ее направленность позволяет ряд материалов, отложившихся в фондах архивов. Количество желающих вернуться в Ленинград на протяжении 1944 г. увеличивалось быстрее, чем это планировало городское руководство. Обращения с просьбами о реевакуации исходили от представителей различных слоев населения, которые подчеркивали значимость их деятельности для города. Отмечается, что введенные ограничения не могли остановить ленинградцев, которые ради возвращения в город шли на разнообразные ухищрения. Партийное и советское руководство города предпринимало попытки регулировать процесс реевакуации. Количество реевакуированных находилось в тесной связи с возможностью обеспечить людей жильем. Однако общее представление городского руководства о том, как будет протекать реевакуация, в итоге оказалось глубоко ошибочным. Число желающих вернуться в город перекрывало возможности жилого фонда. В результате решением от 8 июня 1944 г. устанавливался новый жесткий порядок обеспечения жилплощадью граждан, которые были эвакуированы из Ленинграда индивидуально или с учреждениями и возвращались в город «в законном порядке». Существовавшая некоторое время в Ленинграде практика передачи жилой площади, требовавшей ремонта, частным лицам при условии ее восстановления, повлекла массу злоупотреблений и была отменена в марте 1945 г. Смягчение паспортного режима и правил прописки граждан, прибывающих в Ленинград, началось только весной 1946 г.

Ключевые слова: жилищная политика, прописка, Ленинград, реевакуация, население, Великая Отечественная война, жилой фонд.

Сведения об авторе: Ходяков М. В. — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет; вед. науч. сотр., Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия); m.khodyakov@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Санкт-Петербургский институт истории РАН, Россия, 197110, Санкт-Петербург, Петрозаводская ул., 7

FOR CITATION

Khodjakov M. V. “We Will Not Let Many People in Here”: Housing Policy in Leningrad during the Final Stage of the Great Patriotic War’, *Modern History of Russia*, vol. 13, no. 4, 2023, pp. 000–000. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2023.412> (In Russian)

Abstract: Based on a wide range of sources, the article analyzes the housing policy implemented in Leningrad after the lifting of the blockade in January 1943. The policy was implemented after the evacuation of the population was completed. Materials deposited in the archives helps us to determine the evacuation routes. The number of people wishing to return to Leningrad during 1944 exceeded expectations of the municipal administration. Requests for re-evacuation came from representatives of various segments of the population, who emphasized the significance of their activities for the city. The restrictions imposed could not stop people from returning to Leningrad, who used numerous tricks in order to enter the city. The party and Soviet administration of the city attempted to regulate the process of re-evacuation. The number of people re-evacuated was closely related to the ability to provide them with housing. However, the general idea of the city administration about the process of re-evacuation turned out to be deeply flawed. The number of those wishing to return exceeded the stock of available housing. As a result, the decision of June 8, 1944 established a new strict procedure for providing housing for citizens who were evacuated from Leningrad individually or with organizations and returned to the city “in a legal manner”. The existing practice of transferring the housing in need of repair to private individuals on the condition of restoring the property led to abuses and was canceled in March 1945. The passport control was reduced and conditions for registration of arriving citizens were alleviated only in the spring of 1946.

Keywords: housing policy, registration, Leningrad, re-evacuation, population, Great Patriotic War, housing.

Authors: Khodjakov M. V. — Dr. Sci. in History, Professor, St. Petersburg State University; Leading Researcher, St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia); m.khodyakov@spbu.ru

St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russia

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 7, Petrozavodskaya ul., St. Petersburg, 197110, Russia

References:

Bezugolny A. Yu., Borodkin L. I., Goryushina E. M., Dmitrieva N. V., Zakharina E. A., Korsak A. I., Kokhan A. A., Krinko E. F., Leontyeva N. I., Ochirov U. B. *The peoples of the USSR on the fronts of the Great Patriotic War: statistical and military-anthropological research*, ed. by E. F. Krinko (Rostov-on-Don, 2022). (In Russian)

Blockade in decisions of the governing party organs of Leningrad. 1941–1944, Collection of documents. Resolutions of the Bureau of the Leningrad City Committee and the Regional Committee of the CPSU(b), transcripts of meetings. Pt. III: January 1943 — January 1944, comp. by K. A. Boldovskiy (St. Petersburg, 2022). (In Russian)

Boldovsky K. A. *The fall of the “blockade secretaries”. Party apparatus of Leningrad before and after the “Leningrad case”* (St. Petersburg, 2018). (In Russian)

Boldyrev A. N. *Siege record (Blockade diary)* (St. Petersburg, 1998). (In Russian)

Decisions of the party and government on economic issues, vol. 3: 1941–1952, comp. by K. U. Chernenko, M. S. Smirnyukov (Moscow, 1968). (In Russian)

- Dmitrieva N. V. 'Memory about events and participants of the Great Patriotic War in Contemporary Russia: legal bases of government policy and monumental practices', *Nauchnaia mysl' Kavkaza*, no. 3 (111), 2022, pp. 23–30. <https://doi.org/10.18522/2072-0181-2022-111-23-30> (In Russian)
- From War to Peace: Leningrad. 1944–1945, collection of documents*, ed. by N. B. Lebedeva; comp. by N. Yu. Cherepenina (St. Petersburg, 2013). (In Russian)
- Gavrilova O. A., Sun Yizhi. 'Renovation under the Blockade: Demolition of Wooden Buildings in Leningrad. 1941–1942', *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 4, 2022, pp. 853–869. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.403> (In Russian)
- Gavrilova O. A., Khodjakov M. V. 'Leningrad Household Manager During the Blockade: Area of Responsibility and Image', *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*, vol. 28, no. 1, 2023, pp. 85–93. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.1.8> (In Russian)
- Gazieva L. L. *The struggle for the salvation of children and adolescents in besieged Leningrad. 1941–1944* (St. Petersburg, 2018). (In Russian)
- Govorov I. V. *Crime and fight against it in post-war Leningrad (1945–1955): experience of historical analysis* (St. Petersburg, 2004). (In Russian)
- Hass J. K. *Wartime Suffering and Survival: The Human Condition under Siege in the Blockade of Leningrad, 1941–1944* (New York, 2021).
- Karpenko I. A. *Restoration of Leningrad in 1943–1948: socio-demographic and household aspects* [Candidate of History Dissertation] (St. Petersburg, 2007). (In Russian)
- Karpenko I. A. 'Social aspects of the process of re-evacuation of the civilian population to Leningrad. 1943–1946', *Vestnik of St. Petersburg University, Series 2. History*, no. 4, 2006, pp. 177–181. (In Russian)
- Karpenko I. A. 'Social support for reevacuees (the Leningrad experience of the 1940s)' in *Sovetskaia sotsial'naia politika: stseny i deistvuiushchie litsa, 1940–1985*, ed. by E. Yarskaya-Smirnova and P. Romanov (Moscow, 2008). (In Russian)
- Khodjakov M. V. 'Evacuation of the Population and the Housing Stock of Leningrad in 1942', *The New Past*, no. 2, 2022, pp. 167–179. <https://doi.org/10.18522/2500-3224-2022-2-167-179> (In Russian)
- Khodyakov M. 'Refugees in Leningrad and City Housing Policy in the Initial Stage of the War and the Blockade', *Quaestio Rossica*, 2022. Vol. 10, no. 2, pp. 455–468. <https://doi.org/10.15826/qr.2022.2.681> (In Russian)
- Kutuzov V. A. *Revival of the land of Leningrad. Communists in the vanguard of the restoration of the national economy of the Leningrad region during the Great Patriotic War* (Leningrad, 1985). (In Russian)
- Kutuzov V. A., Demidov V. I., Kutuzov A. V. *Andrey Zhdanov. Man and politician* (St. Petersburg, 2022). (In Russian)
- Lebina N. B. *Soviet everyday life: norms and anomalies. From war communism to grand style* (Moscow, 2015). (In Russian)
- Levina V. G. *I remember... Notes from a Leningrad woman* (St. Petersburg, 2007). (In Russian)
- Lomagin N. A. *In the grip of hunger. Siege of Leningrad in the documents of the German special services, the NKVD and letters from Leningraders*, 2nd ed. (St. Petersburg, 2014). (In Russian)
- Pyankevich V. L. *Restoration of the economy of the USSR (mid-1941 — mid-1950s). Historiography* (St. Petersburg, 2001). (In Russian)
- Pyankevich V. L. "People lived by rumors": *informal communicative space of besieged Leningrad* (St. Petersburg, 2014). (In Russian)
- Sobolev G. L. *Leningrad in the struggle for survival in the blockade, Book Three: January 1943 — January 1944* (St. Petersburg, 2017). (In Russian)
- Vakser A. Z. *Post-war Leningrad. 1945–1982* (St. Petersburg, 2005). (In Russian)
- Vakser A. Z. *Revival of the Leningrad industry. 1945 — early 1950s* (St. Petersburg, 2015). (In Russian)
- Yarov S. V. *Blockade ethics. Ideas about morality in Leningrad in 1941–1942* (Moscow, 2012). (In Russian)
- Zotova A. V. *The economics of the blockade* (St. Petersburg, 2016). (In Russian)

Received: April 10, 2023

Accepted: July 31, 2023